

Глава 8. Снежная тропа и дерзость юности

— Пятый брат, о подобных делах между мужчинами не стоит говорить впустую. Ты лучше поразмысли хорошенько. А я пока сохранию твою тайну. Когда сам во всём разберёшься, тогда и договорим.

Бай Юйтан понимал: четвёртый брат желает ему только добра. Пусть в его чувствах и не было ничего постыдного, но в глазах света подобные речи звучали, мягко говоря, сомнительно. Впрочем, самого Юйтана чужое мнение заботило мало — он привык жить, потакая лишь собственным прихотям.

Цзян Пин же беспокоился вовсе не о самой природе этих отношений. Глядя на упрямый профиль брата, не желавшего даже обернуться, он лишь тяжело вздохнул. Из того, что успел поведать Юйтан, следовало: тот юноша в голубых одеждах обладал статью и манерами человека из благородного рода. И именно это сулило беду.

Люди, получившие строгое воспитание, в самой своей сути несут некую книжную косность. Далеко не каждому дано быть Бай Юйтаном, которого с малых лет баловали и лелеяли. Чем выше положение семьи, тем суровее правила, и тем меньше в ней места для понимания подобных чувств. Заставить такого юношу принять привязанность Пятого брата будет невероятно сложно.

Но Бай Юйтан, судя по всему, превратился в самого настоящего одержимого. В его глазах так и читалось: «Либо он, либо никто». Цзян Пину было и смешно, и тревожно. О «похождениях» Юйтана ходили легенды. В каждом весёлом квартале красавицы только и ждали случая, чтобы заполучить этот лакомый кусочек, не заботясь о том, сколько жён и наложниц он приведёт в дом. Были те, кто мечтал о покое и законном браке — как девушка Лань Жун из «Терема Тумана и Дождя», были и те, кто, разочаровавшись в мужчинах, скрывался в стенах павильонов — как Хун Янь. Но стоило бы слуху о нынешнем увлечении Пятого господина разлететься по свету, и несчётное множество девиц выплакали бы глаза от горя.

Бай Юйтан, подперев щеку ладонью, обдумывал слова Цзян Пина. Он понимал скрытый смысл: тот юноша явно происходил из богатой, пусть и не кичливой семьи. Скорее всего, он был из рода учёных мужей, а значит, всё окажется куда запутаннее, чем представлялось вначале. Одним только упорством здесь не обойтись.

Снег повалил хлопьями, и от этого зрелища на душе стало ещё тоскливее.

Раньше Юйтану всё казалось простым. Теперь же он осознал, сколько всего упустил из виду. Но отступить сейчас, даже не начав борьбу? Нет, об этом не могло быть и речи. Он грезил этой встречей два года, и если сейчас отпустить её, в сердце останется зияющая пустота, лишённая самого важного смысла.

Бай Юйтан всегда считал, что в Цзяннани не бывает настоящих снегопадов. Так, лёгкая пороша, которая даже землю толком не укроет. Он всегда мечтал однажды отправиться зимой

на север, чтобы увидеть те самые снега — суровые, бескрайние, истинные.

Но сегодня ему казалось, что даже этот южный снег стал непомерно тяжёлым. Он валил так неистово, словно вознамерился похоронить его заживо, завалить до самых глубин, пока дыхание не прервётся.

Наверное, этот снег падал ему прямо в сердце.

Цзян Пин, глядя на то, как пятый брат заворожённо провожает взглядом снежинки, снова вздохнул. Чувства в его душе смешались. С одной стороны, он радовался, что ветреный Юйтан наконец остепенился и нашёл кого-то, кто ему по-настоящему дорог. С другой — его грызло беспокойство. Ведь этот избранник не был томной певицей из «Павильона Циня» и не был продажной красоткой, претендующей на богатство или облик Бай Юйтана. Такого человека не покорить одним лишь словом или щедрым подарком.

Впрочем, на лице Юйтана было написано столь явное «не отдам», что оставалось только смириться. В конце концов, какая разница? Пусть будет не невестка, а зять — невелика беда.

Цзян Пин просто похлопал брата по плечу и тихо проговорил:

— Пойдём в дом. На улице разгулялась вьюга. А это дело... оно спешки не терпит.

«Дело спешки не терпит».

Юйтан принял эти слова к сведению. Раз уж всё так непросто, придётся готовиться к долгой осаде. А в таком деле суета — худший враг.

Смахнув снег с белых одежд, Юйтан вернул на лицо свою привычную улыбку и переступил порог.

— Четвёртый господин, Пятый господин, с возвращением! — Слуга распахнул двери, приглашая их войти. — Приехал старший молодой господин семьи Лю! Сейчас они с Первым господином в «Зале Собрания Справедливости».

Лю Цин был одним из немногих, кого Бай Юйтан считал своим названным братом. Поговаривали, что в последнее время он безвылазно сидел в Бяньцзине — семейное дело в столице столкнулось с какими-то трудностями, и Лю Цину пришлось изрядно попотеть. Даже бездельника Лю Юаня привлекли к помощи.

И вот он вернулся, да ещё и не предупредил.

Юйтан по-детски надул губы, но ноги сами понесли его к залу — не терпелось узнать, какие

забавные новости Лю Цин привёз из столицы.

Чего он никак не ожидал, так это того, что услышанное перевернёт его мир.

Бай Юйтан, Пятый чиновник Острова Пустоты, больше известный в народе как Парчовая Крыса, был ещё очень молод. Однако никто в здравом уме не посмел бы усомниться в его мастерстве. Скверный характер и привычка вести себя как капризное дитя были лишь следствием того, что четверо старших братьев души в нём не чаяли.

Люди в поднебесной обожали сравнивать Юйтана с другим юношей того же возраста. Звали его Чжань Чжао. Никто не знал, кто его наставник и какие цели он преследует, знали лишь, что юноша этот на редкость степенен и благороден. Настоящий муж, которому можно доверить жизнь.

В народе его прозвали Южным Героем.

Бай Юйтан этого Южного Героя заочно недолюбливал. Он был уверен, что за громким прозвищем скрывается какой-нибудь редкостный урод. Но вот незадача: братья отзывались о нём исключительно с похвалой. Сюй Цин год назад столкнулся с ним на пристани в Сунцзяне — тогда Чжань Чжао спас Дин Чжаоланя из деревни Мохуа. Тот хотел пригласить спасителя в гости, но юноша, сославшись на важные дела, поспешил откланяться.

Когда Сюй Цина допрашивали расспросами о впечатлениях, он долго сидел, подперев голову руками, и в конце концов выдал: «Чист и светел, словно полированный нефрит. Истинный благородный муж». А потом добавил: «Уж точно не такой ершистый, как наш Юйтан. На него просто приятно смотреть. Что до внешности... пожалуй, нашему Пятому он ни в чём не уступит».

Юйтан тогда лишь фыркнул. Каким красавцем может быть человек с детским именем Сюнфэй — «Летящий Медведь»?

Неприязнь крепла, а после вестей Лю Цина и вовсе превратилась в жгучее раздражение.

— Я слышал, что Чжань Чжао теперь служит у Бао Чжэна, вот и решил заглянуть на него посмотреть. Мать божья, а ведь и правда — красотой он Дстойному младшему брату Бао под стать! Говорят, он показал такое мастерство в «Башне Военной Доблести», что сам император в шутку назвал его Императорским Котом. И более того...

Лю Цин не успел договорить — его прервал ледяной взгляд.

— Ты сказал... он назвался Котом?

Лю Цин на мгновение оцепенел. Только сейчас до него дошло, что Бай Юйтана величают

Парчовой Крысой. Уголок его рта дёрнулся. «Неужели, — подумал он, — Юйтан может быть настолько мелочным?»

— Брат Бай, ну... это ведь не он сам придумал. Против воли императора не пойдёшь...

— Господину Бао плевать на волю императора! Кто его тянул идти на службу к этому Бао? Если Чжань Чжао носит звание Южного Героя, он не может не знать о нас, Пяти крысах острова Сянькун!

На сей раз Юйтана перебил Сюй Цин:

— Да брось, он, скорее всего, и правда не знал. Год назад на пристани, когда я крикнул ему: «Благодарю, Южный Герой!», он переспросил: «А кто такой этот Южный Герой?». Если он даже о собственном прозвище не слыхивал, откуда ему знать о нашем?

Лю Цин продолжал кривить рот в усмешке. Когда он, наслушавшись слухов, ошивался у Кайфэнской управы, ему показалось, что Южный Герой до неприличия простодушен. Но чтобы до такой степени...

— Мне всё равно. Какого чёрта он подался в чиновники? — Юйтан отвернулся, являя собой пример детской обиды.

— И то верно, — поддержал Лу Фан. — Мы, люди вольных лесов, не должны якшаться с властями. Там одна грязь, при чём тут вообще наши дела? — Лу Фан не отличался тонким умом и во многих вопросах полагался на Цзян Пина.

— Ну, тут я за Чжань Чжао заступлюсь, — подал голос Лю Цин. — Будучи Южным Героем, он встретил господина Бао, когда тот ехал к месту службы. На Бао тогда напали люди Великого наставника Пана — ну не мог же Чжань Чжао просто пройти мимо? Должен был помочь. Я спрашивал его об этом, а он ответил, что в лесах нынче жить непросто — мол, слишком это утомительно.

— Я тоже не верю, что Чжань Чжао погнался за чинами и богатством, — добавил Сюй Цин, сохранивший о юноше самые тёплые воспоминания.

— Но разве служба на государя не в сто крат тяжелее вольной жизни?

— Брат, не мерь его по себе, — Цзян Пин задумчиво погладил свои тонкие усы. — Он ведь ещё совсем мальчишка, одних лет с нашим Юйтаном. Откуда ему знать, где легче, а где тяжелее? Устал в одном месте — перешёл в другое. Вполне естественный ход мыслей.

Только тогда Лу Фан вспомнил: Чжань Чжао и Юйтан действительно ровесники.

«Наверное, бедного ребёнка просто заманили в ловушку», — вздохнул Первый брат. Недавнее недовольство в его душе сменилось жалостью. Ему казалось, что Чжань Чжао слишком молод и бесхитростен для такой службы.

Но Бай Юйтан был не из тех, кто вникает в чужие оправдания. Он привык следовать зову сердца. Сейчас он чувствовал себя глубоко уязвлённым: братья один за другим защищали какого-то выскочку, которого он и в глаза-то не видел. Того самого Чжань Чжао, который всегда был ему не по нутру.

И хотя внешне он не выказал всей бури чувств, в мыслях Юйтан уже тысячу раз обругал этого «Кота» и принял твёрдое решение.

В белом вихре снегопада стремительно пронеслась белая лошадь. Всадник, облачённый в белоснежные одежды, почти сливался со снежной пеленой ночи. Очертания его были зыбки и неверны, словно видение.

На тракте Сунцзяна ещё брели случайные дровосеки, растирая покрасневшие от холода руки. Услышав далёкий ритмичный перестук копыт по свежему снегу, они гадали: кого же нелёгкая несёт в такую погоду?

Топот нарастал, пронёсся порывом резкого ветра и так же быстро стал затихать вдали.

Дровосеки, ничего не разглядев, втайне решили, что мимо промчался небожитель. Они принялись истово молиться, прося богов о богатом урожае в грядущем году. Ведь добрый снег — к доброму хлебу.

А лёгкая пороша, казалось, безмолвно корила всадника. За то, что тот, в своём юношеском безрассудстве, топчет её, причиняя боль.

<http://bllate.org/book/17405/1656988>